



Ижевск. Куклиада, или Театр власти

Выпуск [№ 2-142/2011](#), [В России](#)



Петр - Ф.Шевяков, Балакирев - К.Мехряков

Воскрешение «Шута Балакирева» в Государственном театре кукол Удмуртской Республики - значимое событие для зрителя, пытающегося осмыслить ход русской истории, понять истоки того типа государственности, наследником которого он является. В начале XX века Александр Блок приоткрыл тайну Медного всадника - его способность определять ход русской истории. «"Медный всадник" - все мы находимся в вибрациях его меди», - записал в своем дневнике поэт. Не слышались ли в «адской музыке» блоковского «Балаганчика» медные «вибрации» русской истории? Эти вибрации особенно ощутимы в наше время, поскольку мы оказались невольными свидетелями распада великой Империи, когда-то задуманной Петром.

Ижевский режиссер **Федор Шевяков** сместил «историческую» пьесу **Григория Горина** в балаганную сферу. Маски по-новому разыграли сюжет горинской комедии, высветив в ней вечные смыслы. Именно маски позволили режиссеру полностью освободиться от некоторой приуроченности «Шута Балакирева» к конкретно-историческому времени. Как известно, комедия известного драматурга многими критиками до сих пор признается «постперестроечной», и ее былая популярность на сцене Ленкома часто связывается с тем, что пьеса отразила злободневную проблематику.

Как никто другой проникая в сущность драматического искусства, В.Э.Мейерхольд писал: «Ось трагедии - рок. Полюса оси - мистерия и арлекинада». «Придворная комедия» Григория Горина на сцене кукольного театра одновременно является и «придворной трагедией», причем Федор Шевяков склоняет пьесу к полюсу арлекинады, разыгрывание которой происходит буквально, ибо все действующие лица, кроме одного, скрыты за масками. Находящиеся в зале зрители становятся участниками почти мистического действия, поскольку на их глазах происходит удивительная метаморфоза: маски оживают (подобный сценический эффект стал возможен благодаря уникальной технологии их исполнения). Театральные артисты настолько сливаются со своими масками, что последние и впрямь становятся лицом. Русская же история, как в лабиринте, блуждает среди этих разнообразных масок и теней.

После просмотра этого спектакля остается устойчивое впечатление, что эстетика кукольного театра всего более созвучна комедии Горина, обращенной к эпохе становления российской империи. Именно с Петра I начинается новый - «карнавальный» - период русской истории. Пришедшей власти была присуща особая игровая стихия, в связи с этим маскарад становится важнейшим институтом петровского времени. Правление нового монарха началось с маскарадного переодевания - молодой Петр путешествует по Европе под вымышленным именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова. Не случайно именно это время стало временем смены нарядов: в одно мгновение по указу

императора Россия облачилась в короткое платье, которое казалось уничижительным и «потешным». А на закате петровского правления в 1723 году в Петербурге был устроен небывалый маскарад: всем высокопоставленным вельможам было приказано не снимать карнавальных костюмов в течение месяца. Именно тогда в России карнавал впервые слился с жизнью: в присутственных местах высокие чиновники сидели в масках. Небывалая дерзость Петра заключалась в обнажении самого механизма власти, которая вынуждена репрезентировать себя через бесконечную смену масок. Эта «масочная» природа всякой власти есть ее глубочайшая и сокровенная тайна. Ижевская версия «Шута Балакирева» призвана напомнить зрителю прежде всего об этом.

Главным героем русской истории является шут. В спектакле шут Балакирев (**Константин Мехряков**) - единственный персонаж, который лишен маски. Действительно, в России человек без маски и есть шут; не иметь маску все равно, что быть раздетым (символично, что Балакирева раздевают на сцене донага). Несмотря на то, что смекалка позволяет герою выходить сухим из воды и даже вернуться с того света, его уязвимость очевидна. Парадоксально, но именно Балакирев всего более не свободен на сцене. Окружающие маски явно переигрывают его, каждая из них прекрасно знает и ведет свою роль. Балакирев же - случайный гость на театральных подмостках русской истории. В силу своего особого положения он становится невольным соглядатаем событий, происходящих внутри императорского двора, но ни это потаенное знание, ни природный ум, в конечном счете, никого не спасают. К сожалению, отсутствие маски не является гарантом выхода из игры...

Даже Петр I (**Федор Шевяков**) оказывается участником все того же карнавала истории. Его боль за Российскую державу определяет эмоциональную тональность пьесы, но Петр не в состоянии разглядеть истинных лиц своих подданных, поскольку все они невидимы, их лики едва угадываются сквозь прорези кукольных масок. Интересно, что и сам император - всего лишь личина. (Уместно вспомнить, что после смерти Петр I превращается в «восковую персону», с его лица впервые снимают посмертную восковую маску.) Усталость и неверие в происходящее определяют драматический финал придворной комедии. Как сказал впоследствии Александр II, «Россией управлять несложно, но абсолютно бесполезно».

Основа сценографического решения (художник **Наталья Зубович**) соотносится с идейным замыслом пьесы. Оформление сцены воплощает идею «метаморфозиса»: заставка, сколоченная из нескольких брусков дерева, в последующих сценах превращается в мачту, мачта - в элемент интерьера, элемент интерьера - в дерево, а дерево - в крест. Это, казалось бы, простое решение очень эффектно в смысловом плане. Подобная цепь превращений еще раз напоминает зрителю о том, что пространство власти - это пространство бесконечных метаморфоз, где низ и верх молниеносно меняются местами, где никакой расчет невозможен и каждый оказывается в руках Судьбы. Крест - последняя фигура, возникающая на сцене, и это недвусмысленное напоминание о том, что скрывается за видимым многообразием форм жизни.

Маски продолжают разыгрывать сюжеты русской истории (не это ли явилось причиной закрытия «Кукол» В.Шендеровича?). Перестроечная пьеса Г.Горина ставила вопрос о дальнейших путях российской державы. Сейчас разговор идет в другой плоскости, ибо той державы уже нет... «Шут Балакирев» оказался способен наращивать смысл во времени, и это тонко почувствовал ижевский режиссер, превративший горинскую аллегория в притчу. В сценической интерпретации Федора Шевякова русский человек имеет дело не с подлинной реальностью, а с безграничным театром власти. Несмотря на

изначальный скепсис многих критиков, придворная комедия Григория Горина в очередной раз подтвердила свое право на существование в большом Времени.

Фото предоставлены Театром кукол Удмуртской Республики

[Зверева Татьяна](#)

Фотогалерея



Шафирове - А.Перевозчиков